

РАЗДЕЛ IV

А. Г. Гродецкая

Суд, власть и порядок («варяжский» сюжет в «Анне Карениной»)

Среди работ А. М. Панченко есть большая статья «„Народная модель“ истории в набросках Толстого о Петровской эпохе», опубликованная в 1979 г.¹ Она посвящена двум незавершенным замыслам Толстого начала и конца 1870-х гг.: исторического романа о Петре и исторического же романа «Сто лет» — о послепетровской эпохе. Основные положения этой статьи хотелось бы воспроизвести, так как они имеют отношение и к тому, о чем пойдет речь ниже. Более того, их можно распространить и на более поздние опыты Толстого — не только в работе с историческими источниками, но и с церковно-книжными текстами, включая его переложение Евангелия, эстетические и философско-религиозные трактаты.

Положения эти таковы. Первое. Толстого интересует не собственно историческое время и его колорит, не человек исторический, а человек вообще, вневременные аспекты человеческого бытия. Второе. Познания, начитанность Толстого в исторической литературе не подлежат сомнению. Но начитанность эта, как пишет А. М. Панченко, «отразилась в его исторической прозе (...) как-то скупой, тенденциозно, весьма специфически».² То есть и тенденциозность Толстого — вне сомнений. Третье. Толстой не различал средневековой книжной и фольклорной традиций и, более того, предпочтение отдавал именно народно-легендарным версиям, народным переделкам книжных сюжетов. Четвертое, в связи с этим же. Народный историзм, в основе которого лежит идея круга, цикличности и повторяемости событий, с его идеалом «тишины и покоя», он предпочитал и наме-

---

¹ Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 66–84.

² Там же. С. 67.

ренно противопоставлял историзму средневековой православной культуры. В целом народная («низкая») и культурно-цивилизационная («высокая») историософские модели вступают у Толстого в напряженное противостояние. Надо ли говорить, что противостояние это есть главный нерв многих и многих толстовских произведений.

В данном случае предмет рассмотрения — микросюжет в «Анне Карениной», однако сюжет исключительной важности. Речь идет о летописном предании о призвании варягов, включенном в 16-ю главу эпилога романа.

Варяжский сюжет возникает в следующей ситуации. В имении Левина Покровском, на пасеке (в ситуации символической и даже эмблематической), в окружении трудящихся пчел и «трубящих, празднующих трутней» заходит спор о Славянском вопросе, о начавшейся Русско-турецкой войне, о справедливости добровольческого движения в пользу сербов, о роли общественного мнения во всех этих событиях и об отношении к ним народа, о «мнении народном».

Спорят два брата — Константин Левин и Сергей Иванович Кознышев, но участников спора больше — это профессор Петербургского университета Катавасов, старый князь Щербацкий, Долли и пчельник Михайлыч (также фигура символическая), который присутствует молча, «очевидно ничего не понимая и не желая понимать» (19, 392)³ в споре господ.

Спор о Славянском вопросе — полемический центр эпилога «Анны Карениной», так расценивали его и первые читатели романа, и его позднейшие исследователи. К спору этому, в жесткой полемике с Толстым по Восточному вопросу, одним из первых, как известно, подключился Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 г.,⁴ о чем многократно писали и что выходит за рамки данной работы. Хотя надо заметить, что аргументы в споре сегодня, спустя 130 лет, звучат более чем актуально.

Сергей Иванович Кознышев выступает в поддержку «единокровных и единоверцев» (19, 387), считая, что русский народ «готов встать, как один человек, и готов жертвовать собой для угнетенных братьев» (19, 391). В добровольческом движении в защиту сербов он видит «выражение человеческого христианского чувства», в движении этом, по его словам, «весь народ выразил свою *волю*» (19, 392; здесь и ниже

³ Ссылки на произведения Толстого даются по Полному собранию сочинений в 90 томах (М.: Л., 1928–1958) с указанием тома и страниц в скобках.

⁴ См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 193–223.

курсив в цитатах мой. — А. Г.). Левин убежден, что любая война, независимо от ее целей, есть «животное, жестокое и ужасное дело» (19, 387). Он не может признать, что «десятки людей, среди которых и брат его, имели право (...) говорить, что они с газетами выражают *волю и мысль* народа, и такую мысль, которая выражается в мщении и убийстве» (19, 392).

Спор кончается не в пользу Левина, он чувствует, что разбит «опытным в диалектике» Кознышевым, но последнее слово автор оставляет за ним. Этим последним не высказанным вслух словом становится народное предание, в авторитете которого герой романа и находит нравственную опору, видя в нем выражение «воли и мысли» народа.

«Он (Левин) говорил вместе с Михайлычем и народом, выразившим свою мысль в предании о призвании варягов: „Княжите и владейте нами. Мы радостно обещаем полную покорность. Весь труд, все унижения, все жертвы мы берем на себя; но не мы судим и решаем“. А теперь народ, по словам Сергей Ивановичей, отрекался от этого купленного такой дорогой ценой права» (19, 392). «Мысль» летописного предания тем вернее для героя романа в его новом душевном состоянии, что не возникла в ожесточении спора, и тем значительнее для автора, что высказана «вместе с народом».

Изложение предания у Толстого — своеобразный парафраз, в котором лишь отчасти сохранена лексика и стилистика оригинала, но сохранена его драматургия — прямая речь призыва. Вместе с тем в пересказе предания Толстой далек от хрестоматийно известного летописного текста.⁵ «Искажает» он его преднамеренно (тенденциозно) и с той степенью свободы, которая характерна для всех его переделок историко-легендарных сюжетов. Отступление от оригинала здесь, как и во всех иных случаях, не объяснить незнанием, однако обращение именно к летописному сюжету нуждается, пожалуй, в пояснении.

Как события, так и текст Несторовой летописи Толстой знал достаточно хорошо. В 1850-х гг. он внимательно читал Карамзина. В Яснополянской школе в 1860-х русскую историю преподавали по В. И. Водовозову и М. П. Погдину:⁶ все они цитировали слова обращения к варягам. «Вещие и роковые слова, которые сохранили надолго свое

⁵ Выбор общеизвестного, в прямом смысле хрестоматийного, сюжета для Толстого типичен: не в исключительном, а в общеизвестном «уясняется» им новый смысл, отличный от общепризнанного.

⁶ Водовозов В. Рассказы из русской истории. СПб., 1861; Погдин М. П. Норманнский период русской истории. М., 1859.

значение», — писал о них Погодин.⁷ «Слова простые, кроткие и сильные!»⁸ — так их определил Карамзин. Начальные главы Несторовой летописи были включены Толстым в «Азбуку» (1872), и ее текст набирался с издания П. Е. Басистова, который, в свою очередь, воспроизводил самый авторитетный источник — Лаврентьевский список в издании Археографической комиссии, сделав в нем лишь незначительные купюры «по педагогическим соображениям».⁹ Текст летописи в «Азбуке» печатался на церковнославянском языке, на чем Толстой долго настаивал и в итоге настоял, а параллельный русский перевод (в данном случае — выполненный самим Толстым) печатался гражданским шрифтом.

Одновременно с работой над последними частями «Анны Карениной» Толстой готовил переиздание славянского отдела «Азбуки» — четыре «Славянские книги для чтения» (которые и вышли отдельным изданием в 1877 г.),¹⁰ при этом просматривал и правил собственный перевод глав летописи. Так что летописное предание не просто было живо в его памяти, но и сам его текст был буквально под рукой. Работу над «Славянскими книгами» можно считать ближайшим поводом для включения в роман летописного сюжета.

Приведу для сравнения толстовский перевод этого фрагмента по «Первой славянской книге для чтения», то есть в последней его редакции (она несколько отличается от той, что была в «Азбуке» и, соответственно, попала в 90-томник (см.: 22, 122)¹¹): «(И) сказали сами между собою: „поищем себе князя, который бы управлял нами и судил по правде“. (И) пошли за море, к Варягам к Руси. (И) сказали Руси Чудь, Славяне и Кривичи: „вся земля наша велика и богата, а порядка в ней нет; так пойдите княжить и владеть нами“».¹²

⁷ Погодин М. П. *Норманнский период...* С. 2.

⁸ Карамзин Н. М. *История государства Российского*: Репр. воспроизведение изд. 5-го, выпущенного в 3 кн. с прилож. «Ключа» П. М. Строева. М., 1988. Кн. 1. С. 69.

⁹ Несторова летопись: Изд. для учащихся / С примеч. и словарем, сост. П. Е. Басистовым. М., 1869. С. 1. Лаврентьевский список как источник указан самим Басистовым в предисловии.

¹⁰ Первая славянская книга для чтения...; Вторая славянская книга для чтения...; Третья славянская книга для чтения...; Четвертая славянская книга для чтения гр. Л. Н. Толстого. 2-е изд., доп. М., 1877. Это единственное (и малоисследованное) осуществленное в полном объеме издание всех славянских текстов, собранных Толстым для «Азбуки». О составе «Славянских книг» см.: *Гродецкая А. Г.* Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб., 2000. С. 23–51.

¹¹ Разночтения печатных вариантов здесь не отражены.

¹² Первая славянская книга для чтения... С. 16.

Если в летописном отрывке в «Анне Карениной», как несложно заметить, отсутствуют общеизвестные слова — о богатстве, о порядке (об этом речь ниже), то и в подстрочном переводе для «Азбуки» Толстой позволяет себе вольность: суд «по праву» (то есть по княжескому праву, по праву власти) он заменяет на «суд по правде».¹³

Появление летописного предания в «Анне Карениной» можно объяснить не только параллельной работой Толстого над текстами для «Славянских книг». Была, видимо, своя логика и в том, почему он выбрал именно варяжский сюжет.

Середина 1870-х гг., то есть время работы над романом, — пик полемики вокруг «норманнской теории». В эти годы выходят основные труды «скандинавистов» и их противников — классика «норманнизма» (труды В. Л. Томсена и А. А. Куника) и «антинорманнизма» (главные работы С. А. Геденова и Д. И. Иловайского).¹⁴ Статьи со взаимными выпадами появляются в московских и петербургских толстых журналах. В «Русском вестнике», где начиная с 1875 г. печаталась «Анна Каренина», вел «борьбу не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями» убежденный «норманист» М. П. Погодин, публикуя свои «бранные послания» Д. И. Иловайскому и Н. И. Костомарову.¹⁵ На погодинские послания активно отзывались оба.¹⁶ Публичные диспуты и журнальные схватки сделали вопрос из строго научного общественно горячим: речь шла не о том, «кто были варяги-русь», а о том, «что мы такое».¹⁷

Толстой едва ли следил за ходом дискуссии (в его дневниках и переписке этих лет нет следов внимания к ней), но ее отголоски так или иначе могли доходить до Ясной Поляны.

¹³ Ср.: «И сказали они себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“» (Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева; Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.: Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод. С. 214).

¹⁴ Выходные данные, основные положения см.: *Мавродин В. В.* Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949; см. также исследования И. П. Шаскольского, В. А. Мошина, Г. Ловмянского, А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Л. В. Черепнина, Д. С. Лихачева и др.

¹⁵ См.: *Погодин М. П.* Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1874.

¹⁶ Статьи собраны в книге: *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси. М., 1876. См. также: *Костомаров Н.* Ответ на новые «бранные послания» г. Погодина // Вестник Европы. 1874. Т. 45, кн. 1. С. 464–477. Подробнее об этих публикациях см.: *Дмитриева Р. П.* Библиография русского летописания. М.: Л., 1962.

¹⁷ *Щеглов Д.* Кто были варяги-русь, то есть что мы такое? // Отечественные записки. 1860. Т. 131, кн. 7. Отд. 1. С. 143–198; Кн. 8. С. 427–458.

Голос Толстого в споре «норманнистов» и их противников невозможно отдать той или иной стороне, несмотря на то что среди историков он отдавал явное предпочтение Карамзину и Погодину. Толстой был слишком далек как от основного предмета научной полемики, так и от главного общественного интереса — поиска национальной самобытности. Специальные вопросы, связанные с происхождением легенды, ее достоверностью и конкретным историко-политическим содержанием, его не интересовали. «Профессорского знания» он, как известно, не признавал, видя в нем уход от «вопросов жизни» («Ученый и жизнь разделены» — 21, 598; «профессора... хоть и знают, не понимают» — 62, 247).¹⁸ Тем не менее можно считать, что свое слово и в этой полемике Толстой так или иначе произнес.

Летописное предание демонстрирует всю сложность включения отдельного микросюжета в «лабиринт сцеплений» романа. Прежде всего, мысль о «суде» и «мщении» или, точнее, о неучастии в «суде» и «мщении» звучит здесь эхом эпитафии романа. И уже одним этим заслуживает внимания. Важно и то, что именно преданием — не легендой, не сказанием — называет летописный рассказ сам Толстой. Понятие «предание» приобретает и в «Анне Карениной», и в дневниковых записях Толстого конца 1870-х гг. — то есть рубежа переворота, — и в более поздних текстах особенно емкий смысл. Предание есть «знание миллиардов отживших», которым поверяется индивидуальное знание и опыт, это то *направление*, держась которого «только и возможно выгрестись к берегу» — к Богу (так оно определяется в «Исповеди» — 23, 46, 47), это и «предание жизни» — опыт поколений, обеспечивающий сохранение жизни, ее повторение, ее передавание. Предание открывает Левину возможность знания «вместе со всеми» передающих и сохраняющих жизнь истин.

Одна из этих истин — отношение к войне. Варяжский сюжет у Толстого решает вопрос об отношении к войне, к любой войне, не только Сербской, а ее оценки в черновиках романа особенно резки.¹⁹ К мысли об этой войне Толстой вернется в «Исповеди»: «В это время случилась война в России. И русские стали во имя христианской любви

---

¹⁸ И Левин разделяет вопросы «научные» и «задушевные» (18, 27), «ничтожными» кажутся ему «соображения о значении славянского элемента во всемирной истории» в сравнении с тем, что «делалось в его душе» (19, 395).

¹⁹ Ср.: «беснующаяся толпа» (20, 549), потерявшая «права рассудка» (20, 554), «одурманена» «большим вздором» (20, 548) — «славянской дурью» (62, 411); «беснование», «опьянение» (20, 554) толпы ведет к безумию войны, к желанию «отомстить туркам» (20, 555).

убивать своих братьев. Не думать об этом нельзя было. Не видеть, что убийство есть зло, противное самым первым основам всякой веры, нельзя было» (23, 56). Те же мысли отразились в дневниковой записи беседы с историком К. Н. Бестужевым-Рюминым (21 июля 1881 г.): «Профессор — порченный наукой. Был добрый, теперь профессор, чиновник, писатель-славянофил, и — воспоминание о человеке. Беседа о вере, об убийстве на войне. „Я не могу убить, освободить народ — народ может“, то есть сказать „Пурдик“ и потом логика не обязательна» (49, 45). «Пурдик» — слово, обозначавшее в семье Толстых нелепость. Об абсурдности любого рода убийства «во имя христианской любви» Толстой будет писать неоднократно, отрицая вместе с тем и мысль о существовании «христианских народов», признавая лишь существование «людей христиан»: «Народов не было и не бывает христианских, есть люди христиане» (51, 29).

Рассказ же о миролюбии народа, предавшего себя власти варягов-врагов, должен был подтвердить мысль Толстого об отсутствии в народе желания «мщения и убийства». И хотя среди рассказов первоначальной русской летописи этот «непротивленческий» сюжет совсем не типичен, нетипичность не смущает Толстого. Ему важна «сказочная» правда предания. По тому же «сказочному» закону отдаются тараканскому царю мирные земледельцы в царстве Ивана-дурака (в толстовской «Сказке об Иване-дураке»).

Славянский вопрос Толстым подается как увлечение сугубо городское, это «модный интерес» людей, «убивающих скуку» (20, 553), «вследствие недостатка, лишенных физического труда и не имеющих внутренней потребности умственного труда» (20, 552). Война (вражда, борьба) — зло городское, враждебное народному крестьянскому «миру». Как «мир» и «меч» евангельского стиха, произнесенного Кознышевым в этом же споре (см.: 19, 391), деревня (народ, Россия) и город живут по разным законам, «законом добра» и законом мщения. Рассказ о призвании на княжение «инородцев» и «иноверцев» в контексте спора между Левиным и Кознышевым свидетельствовал о «выдуманности» и «ненатуральности» самой идеи братства «единокровных и иноверцев». Не «братья-славяне», убеждает Толстой, должны быть предметом заботы, но «люди-братья» (20, 555).

В споре Кознышева и Левина встает также вопрос об «общественном мнении» и «воле народа». У Толстого они не только разделены, но противопоставлены, как противопоставлены в целом в романе «общество» и «народ». И это не только проблема эпилога «Анны Карениной». Согласно толстовской интерпретации предания, призвав

князей, народ отказывается от права выражать свою *волю* («не мы судим и решаем»). Не иметь собственной воли — его единственная воля. И означать это должно, что не существует «воли народа» как политического аргумента. Существует, как пишет Толстой в черновых редакциях, ложь и демагогия политиков, использующих «приличную вывеску» (20, 548) для «корыстных, тщеславных целей». Мотив народного молчания, народного «безмолвствования» присутствует в окончательном тексте «Анны Карениной», и особенно настойчиво он повторяется в черновиках романа.

Обращаясь к проблеме «мнения народного», Толстой не мог не учитывать пушкинского опыта. Мотив народного «безмолвствования», как и появление в связи с ним «тени» Нестора, — очевидные авторские указания на преемственность по отношению к «Борису Годунову».²⁰

Предание давало ответ и на вопрос об отношении народа к власти. Рассуждениям о *добровольных пожертвованиях* в пользу сербов (в том же споре Кознышева и Левина) Толстой противопоставляет идею *добровольной жертвы*. Призвав князей и тем продемонстрировав отказ от права «судить и решать», народ как будто жертвует этим правом князю. Пчельник Михайлыч на вопрос о его отношении к войне отвечает: «Что ж нам думать? Александр Николаевич император нас обдумал, он нас и обдумает во всех делах. Ему видней» (19, 389). Объединяя прошлое и настоящее, в неизменности отношения народа к власти Толстой видит не только стереотип народного сознания и поведения. Добровольное народное бесправие получает у него иное истолкование.

В черновых вариантах эпилога оно было достаточно очевидно: народ «жил с сознанием того, что у него только затем и есть Царь, Правительство, чтобы оно решало за него его государственные дела, и что давно, еще когда он, по преданиям, призвал братьев с Рюриком, теперь унижением, лишениями всякого рода им куплено дорогое право быть чистым от чьей бы то ни было крови и от суда над ближним» (20, 555).

Суд и кровь у Толстого приравнены. В его абсолютных моральных категориях право на власть и право на суд есть не что иное, как право на «убийство и мщение». И власть, и суд — противозаконны, преступны и греховны, это одно из важнейших убеждений позднего

---

²⁰ Среди «пушкинских» тем «Анны Карениной» эта параллель как будто еще не была отмечена. Ср.: *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой: Семидесятые годы. Л., 1974. С. 147–160.

Толстого.²¹ Отказ от права на власть и суд оказывается спасительным. Народ, не претендуя на власть и суд, жертвуя и покоряясь, избавляет себя от исторической вины и ответственности. И наоборот, заявляя права на власть и суд, берет на себя и ответственность за кровь. Не случайно Левин здесь же размышляет о революции и коммуне (см.: 19, 392).

О праве не судить и не решать сказано как о купленном дорогой ценой праве. И здесь, вероятно, скрыта отсылка к «Первому посланию к Коринфянам» (6: 20): «Вы куплены дорогой ценой», то есть ценой жертвы. Добровольно отрекаясь от права судить и решать, народ жертвует отнюдь не князю. Дорога жертва как таковая, вольная жертва, понимаемая и как жертва искупительная. Михайлыч вместе с народом, призвавшим варяжских князей, верит не в правый суд «Царя, Правительства», но в единственного «непогрешимого Судью» и покоряется не властям по заповеди апостола Павла, но «высшей власти» (20, 555). «Ужасных слов» (50, 120) апостола о покорности властям из «Послания к Римлянам» (13: 1–6) Толстой никогда не принимал.

Народ в предании жертвует не только своей волей-мнением, то есть правом голоса, но и волей-свободой. Свобода противостоит не рабству, но покорности, как своеволие — самоотречению. Все категории переводятся из области политико-правовой в религиозно-нравственную и используются традиционно для христианской этики. Не иметь личной воли, творить волю Пославшего, быть работником Хозяина, Его «органом», «орудием» — таковы заповеди Толстого, многократно повторенные в его поздних трактатах, статьях, дневниковых записях. Таков и открывшийся Левину единственно ясный смысл собственных и народных «побуждений и стремлений» (19, 378).

Как в притче Платона Каратаева о благе «безвинного страдания» (12, 158), так и в рассказе о призвании Рюрика важнейшей становится идея спасительной жертвы. Невинно страдающий — всегда прав, и не судящий — неподсуден. Народные унижения и лишения ставят его вне проблемы вины, а тема вины — одна из ведущих в романе. Главной же добровольной искупительной жертвой становится сам народный труд. Мысль о «самопожертвовании в труде» (19, 374) звучит в романе, обет жертвенного труда содержит и предание. Крестья-

²¹ О своем «отрицательном отношении к государству и власти» (76, 114) Толстой писал П. И. Бирюкову 3 марта 1906 г., указывая, что лучше всего это его отношение высказано в письме Александру III (март 1881 г., черновая ред. — 63, 44–52).

янский «хлебный труд» поздний Толстой будет неизменно толковать как христианское призвание, крестьянскую страду — как жертвенный подвиг.

Летописный рассказ стал поводом для размышлений Толстого о народных «судьбах исторических». Эти мысли большей частью остались в черновиках (см.: 20, 549, 555, 557). Толстой пишет, что, пока решался вопрос о войне, «народ продолжал жить все той же спокойной жизнью с сознанием того, что судьбы его исторические совершатся такие, какие будут угодны Богу, и что предвидеть и творить эти судьбы не дано и не велено человеку» (20, 549).²² Провиденциальная идея в этих суждениях близка историософии летописца,²³ и в данном случае на летописную историософию (народную — в его понимании) Толстой ориентируется сознательно.

Толстовское представление о совершении народом своих «судеб исторических» сравнимо с тем, что он понимал под осуществлением отдельным человеком своего «призвания», или «назначения». «Единственный несомненный признак присутствия призвания, — писал Толстой, — есть самоотречение, есть жертва собой для проявления вложенной в человека (...) силы» (42, 186). И хотя это написано 10 лет спустя и по другому поводу, в «Анне Карениной» отразилась вера ее автора в «совершение судеб» не воюющего, не судящего, исполняющего закон «хлебного труда» и жертвующего собой народа.

Однако, любя в рассказе летописца «мысль народную», Толстой — еще раз повторю — перелагает предание весьма вольно, опуская в том числе и крылатые слова об отсутствии порядка на Руси.²⁴ В «Анне Карениной» возможно найти подтверждение тому, что пропуск этот — преднамеренный.

Само понятие «порядок» присутствует в романе. Это и общественный порядок, который «надо изменить» Николаю Левину и который стремится поддержать и оправдать «государственник» Кознышев. Это

²² И еще о народе, который «смирненно ждал», «всегда готовый на все труды, лишения и на смерть для совершения своих судеб, продолжая жить все тою же молчаливою и могучей жизнью...» (20, 557).

²³ Для летописца, по словам И. П. Еремина, «исторический процесс — проявление Божественной воли»; «для него, моралиста, (...) тенденция — свести к этике всю „философию истории“ — естественна, закономерна» (Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1987. С. 48, 50).

²⁴ Ср. карамзинскую интерпретацию: «Нужда в благоустройстве и тишине велела забыть народную гордость» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. С. 68).

и тот искомый «порядок» в России, где «все перевернулось и только укладывается» (18, 346). Хотя все случаи словоупотребления очевидно нейтральны по отношению к летописному тексту, не исключено, что авторские размышления о возможности установления «порядка» в России невольно, ассоциативно «притягивали» в роман известное летописное изречение. Кроме того, в одной из редакций финала романа последними словами Левина были: «Нового ничего нет во мне, есть только порядок» (20, 573). Появляясь после предания и именно в сопоставлении с известной летописной апофегмой, эти слова открывают тот смысл понятия, который был для Толстого важен.

Вера в возможность и достижимость порядка в России возникает в романе как итог и хозяйственно-экономических, и нравственно-духовных исканий его главного героя. «Благоустройство» в хозяйстве мужика Платона Фоканыча основано на внутреннем нравственном порядке, или законе. По Толстому, «вопрос экономический и социальный есть вопрос крыловского ларчика» (25, 397). «Политического изменения социального строя не может быть. Изменение только одно нравственное, внутреннее человека» (50, 41–42).

Предание — не только свидетельство ориентации писателя на «ценности народно-крестьянского сознания»²⁵ и их открытия в «народной литературе», оно и — опорное звено в системе доказательств истины и, возможно, полемический отклик в дискуссии о «норманнской теории», и указание на то, что проблема «мнения народного» решается вослед Пушкину (с «правдой», найденной у летописца). Наконец, предание — точка отсчета в размышлениях Толстого о путях достижения «порядка» в России.

Загадкой отношения народа к власти, «вещими и роковыми» словами об отсутствии порядка на Руси варяжское предание привлекало не одно поколение русских писателей и мыслителей — от декабристов, славянофилов, Герцена до В. В. Розанова, предложившего свое истолкование летописного рассказа в «Апокалипсисе нашего времени», и многих других. Для Герцена сюжет этот был свидетельством «женственности» русского характера: «В славянском характере есть что-то женственное; этой умной, крепкой расе, богато одаренной разнообразными способностями, не хватает инициативы и энергии. Славянской натуре как будто недостает чего-то, чтобы самой пробудиться, она как бы ждет толчка извне. Для нее всегда труден первый шаг,

²⁵ Куприянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л., 1966. С. 235.

но малейший толчок приводит в действие силу, способную к необыкновенному развитию. Роль норманнов подобна той, какую позже сыграл Петр Великий при помощи западной цивилизации».²⁶ По Розанову, «историки просмотрели, а славянофилы не догадались, что это вовсе не „отречение от власти“ народа, до такой степени уж будто бы смиренного, а — *неумелость* власти, *недаровитость* к ней...»²⁷ Толстовскую интерпретацию летописного предания вполне можно рассматривать в ряду других, широко известных.

---

²⁶ Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 154.

²⁷ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 28. (Собр. соч.: (В 30 т.); Т. 12).

Российская Академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

А. М. Панченко
и русская культура

*Исследования
и материалы*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»

Санкт-Петербург
2008